ИЮЛЬ 1927 ГОД № 26 ЦЕНА 15 КОП.

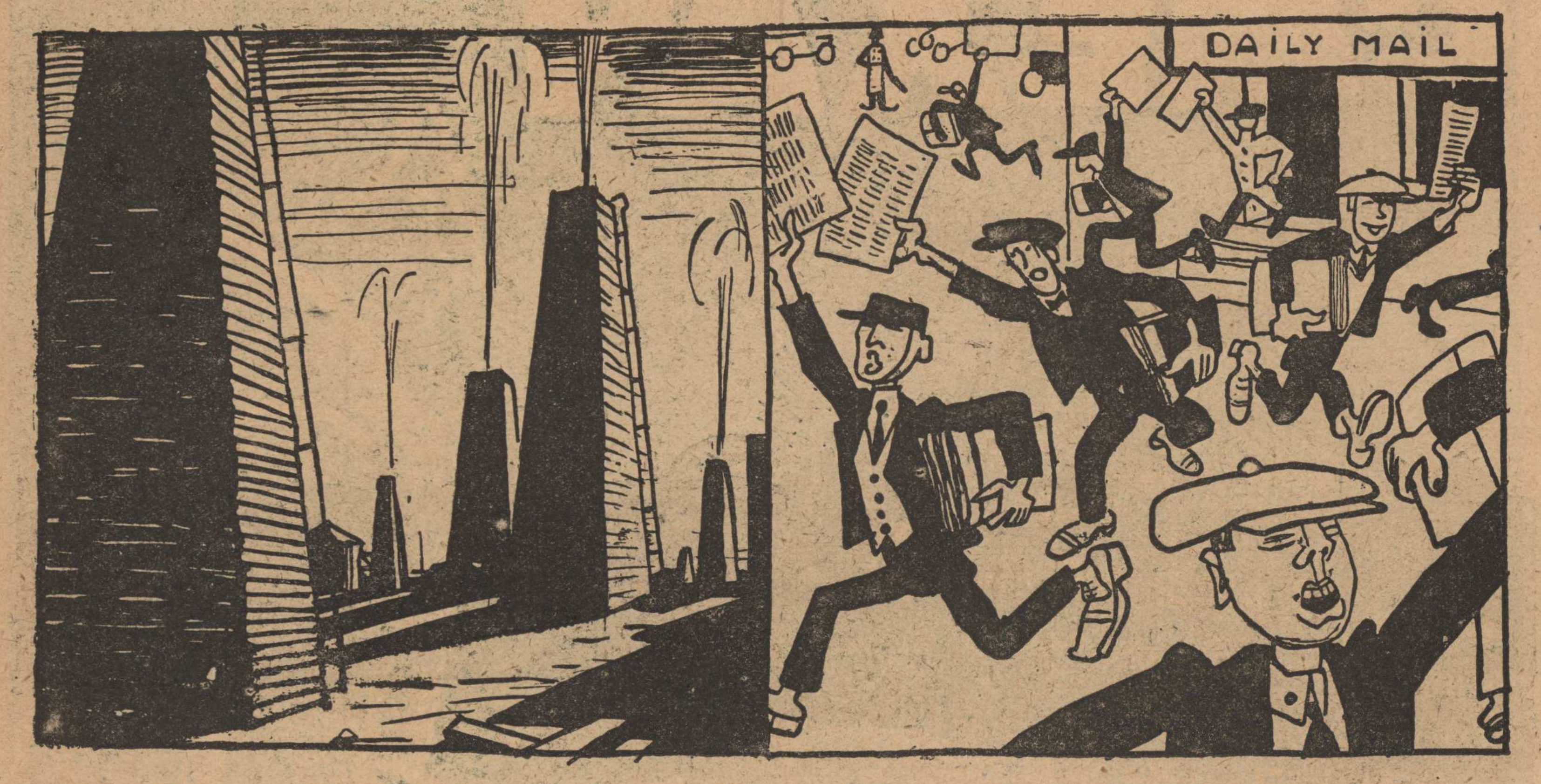
Рис. И. Малютина

ГОГОЛЬ И ДНЕПРОСТРОЙ, ИЛИ ЧУДЕСА ТЕХНИКИ

„Чуден Днепр при тихой погоде"...

Рис. Б. Малаховского

ДВА ФОНТАНА

Источники, заслуживающие доверия **Источники, доверия незаслуживающие**

У СУФЛЕРСКОЙ БУДКИ

СЦЕНА — большая, мировая, а актриса — маленькая, бездарная. До сих пор была на выходных ролях. Играла горничных. Докладывала обычно:

— Чай подан!

В передней подавала пальто. Господа давали ей „на чай", а когда были ею особенно довольны, брали ласково за подбородок и говорили:

— Старайся, милочка! Побудешь пока в горничных, а там, глядишь, и хороший человек тебя на содержание возьмет. Дядя Сам, например, или Джон Буль.

И вдруг ей поручили ответственную роль героини.

Сам Чемберлен, главный режиссер, пригласил ее к себе, попросил сесть, даже руку подал и ласково сказал:

— Вот что, Зоська (последний псевдоним пилсудской Польши). Хотим ставить новую трагедию „Война". Выступишь в прологе. Роль весьма и весьма ответственная. Происходит убийство...

— Убийство, это ничего, — говорит Зося. — убийство — дело привычное. И подлог можно. И предательство. Главное, много ли говорить придется?

— Много, Зося.. Что же, выучишь. Да и не важно это, — я буду в суфлерской будке. Во-время буду подавать, — не бойся.

И вот взвился занавес. На громадной мировой сцене маленькая премаленькая актриса на выходных ролях — Зося Крульская. С ролью она так таки не справилась. Слова никак не могли зацепиться за мозг: слов много, а мозгу мало. Где их все вместить и запомнить?

Естественно, что глаза Зоси прикованы к суфлерской будке.

— Начинать! Начинать! — слышится из суфлерской будки.

Зося думает:

— Какой жест нужно делать?..

Она заучила много жестов: жест благородства, жест отчаяния, жест сочувствия. Но какой подходит к данному случаю?

— Да начинай же, господи! — шипит суфлерская будка.

Зося делает первый вспомнившийся жест, — выходит жест сочувствия, — и начинает:

— Относительно под... под...

Зося знает много слов, начинающихся на „под": подлость, подлог, подхалимство, подножка и т. д. Но какое из них теперь нужно выбрать?

— Подвиг! — вылетает из суфлерской будки.

Зося немного удивлена. Во-первых, она таких слов давно уж не слыхала. Пилсудский таких слов не знает и не хочет знать. Во-вторых, ведь, как никак, а убийство. И какое убийство! Самое, что ни на есть подлейшее. Но голос из будки настойчиво и зло повторяет:

— Подвиг... Подвиг, дубина!

Делать нечего, Зося говорит:

— Относительно подвига, совершенного на моей жилплощади — выражаю искреннее сожаление, я даже готова поплакать... поплакать...

Суфлерская будка подает:

— Над участью убийцы.

Зося повторяет:

— Над участью убийцы.

Для реальности Зося вынимает носовой платок, готовясь поднести к глазам.

— Не надо! Не надо! — кричит суфлерская будка. — Переигрываешь.

Зося послушно прячет платок. Из суфлерской будки голос подает:

— Если угодно, — то в расследовании.

— Если угодно, повторяет рабски Зося, — то в расследовании..

И неожиданно для нее самой вырывается:

— ...в расследовании могут принять участие товарищи убитого...

Из суфлерской будки доносится какое-то рычание. Через несколько секунд из нее высовывается голова Чемберлена. Глаза у него налиты кровью. Не обращая ни на кого внимания, он кричит на весь театр:

— Дура! Танцуй назад.

Зося танцует назад.

За кулисами идет деятельная подготовка к обещанной Чемберленом трагедии „Война". Свинчивают развалившихся белогвардейских генералов.

Чистят бензином Милюкова. Выколачивают Керенского. Вынимают из герметически закрытой банки старые эсеровские консервы — Екатерину Кускову. Натирают кирпичом Дана.

Чемберлен торопит с пьесой, но видно по всему, что у него нет уверенности в том, что она пойдет.

И, действительно, времена теперь другие.

Это раньше было: сначала мировая война, а потом революция.

После Октября должно случиться по иному: сначала мировая революция, а потом...

А потом никаких мировых и всяких иных войн не понадобится.

Так оно, конечно и будет!

Н. ПЕРЕКАТОВ

ЭТО НЕБЛАГОРОДНО!

ТАК как лета в Москве нету,
И это очень скверно,
То хорошо бы иметь к обеду
Солнечные консервы.

Почему не потешить сердце
Тем, что ему желанно:
Фаршированным ли перцем,
Синим ли баклажаном.

Но все это, как известно,
Не всегда удобоваримо,
Поэтому я предлагаю трестам
Консервировать солнце Крыма.

В особых стеклянных гнездах,
В количестве тысяч калорий,
Будут спрессованы синий воздух
И золотое море.

Обойдутся на рубль дороже
Тем, кто не любит зноя,
Двести грамм лунной дрожи
На серебряной пене прибоя.

И на темной московской даче,
Где нет ни гор, ни эха,
Где неустанно небо плачет
Над тем, кто не уехал,

Где в июле топят голландку,
Тешась дровогореньем,—
Встряхнем хорошенько банку
Перед употребленьем.

Оглядываемся, струсив:
Все по прежнему хмуро.
Но вот, как зеленый усик,
Дрогнула ртуть Реомюра.

И в ледяной распорядок
Нашего дня вонзаясь,
В стакане, в сияньи радуг,
Возник солнечный заяц.

И так ярок у шкапа
Столб золотых молекул,
Что, очевидно, шляпа
И впрямь нужна человеку.

И северные вещи
Полны южного гула.
И вот уже море плещет
Между столом и стулом...

Кончились консервы.
Ртуть в тот же миг упала.
Я говорила, во-первых,
Что одной банки мало.

А во-вторых, и в-третьих,
Последние червонцы
Выброшу я не на ветер,
Выброшу я на солнце.

Ибо столько народу
Изводить ежегодно—
Со стороны природы
Это — неблагородно!

ВЕРА ИНБЕР

БОЛЬШОЙ ПЛАКАТ И МАЛЕНЬКОЕ ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

ВСЕ на воздух! Все на дачи! Все на лоно деревень! — так кричал плакат, висящий в учрежденьи целый день. И послушное призывам рвалось сердце на простор: к морю, к лесу, к пашням, к нивам, к белоснежным шапкам гор.

Зав мечтал поехать в Сочи, секретарь наметил Крым, остальные, кто попроще, те—в провинцию, к родным. Даже старая Андревна, чей удел полы мести, собиралась на деревне краткий отпуск провести.

Но судьба бедой чревата, с ней бороться нету сил; кто-то дерзкий у плаката об'явленье прилепил:

> ***НКПС отклонил ходатайство о предоставлении льготного железнодорожного тарифа для экскурсантов.***

Словно кто в аккорд созвучий бросил тяжкий диссонанс,— рой надежд, как пух летучий, разлетелся и угас.

Зав уже не хочет в Сочи, секретарь не едет в Крым, остальные, кто попроще, те не едут и к родным. Только старая Андревна чертыхнулась на ходу: — Ну, так что ж, я до деревни и пешочком добреду!

А плакат кричал, висящий в учрежденьи целый день, на службистов проходящих нагоняя грусти тень:

— Все на воздух! Все на дачи! Все на лоно деревень!

Ф. ГРОШИКОВ

СВЕРХУРОЧНЫЕ МЫСЛИ.

◆ Репутация может быть подмоченной даже в сухую погоду и в безводной местности.

◆ Не всякая темная личность имеет темное прошлое: у вернувшихся курортников с темной загоревшей личностью связаны светлые воспоминания.

◆ Не всякое повышение влечет за собою благополучие: повышение цен—наоборот.

◆ Когда мир висит на волоске, было бы ошибочным надеяться на укрепление его положения, повесив его на канате.

◆ При поступлении на службу необходимо иметь отношения: если не с биржи труда, то (самое лучшее) с управляющим данного учреждения.

◆ В крымский санаторий можно попасть двумя путями: железнодорожным и путем связей с курортной комиссией.

◆ Не при всяком сокращении выдается выходное пособие: не выдается оно, напр., при сокращении статей и фельетонов.

ЛИСТ

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ УСТАНОВКА

— А ваш громкоговоритель действует?
— Да... На нервы.

АКТИВНЫЙ ЭКСКУРСАНТ

— Зачем ты убежал с выставки?
— А руковод сказал, что оценивать картины нужно, отойдя от них, как можно, дальше.

ЛОВКАЧИ

В Москве, в Бауманском районе, застрахованный десять раз получал пособие на похороны своей и ныне здравствующей жены.

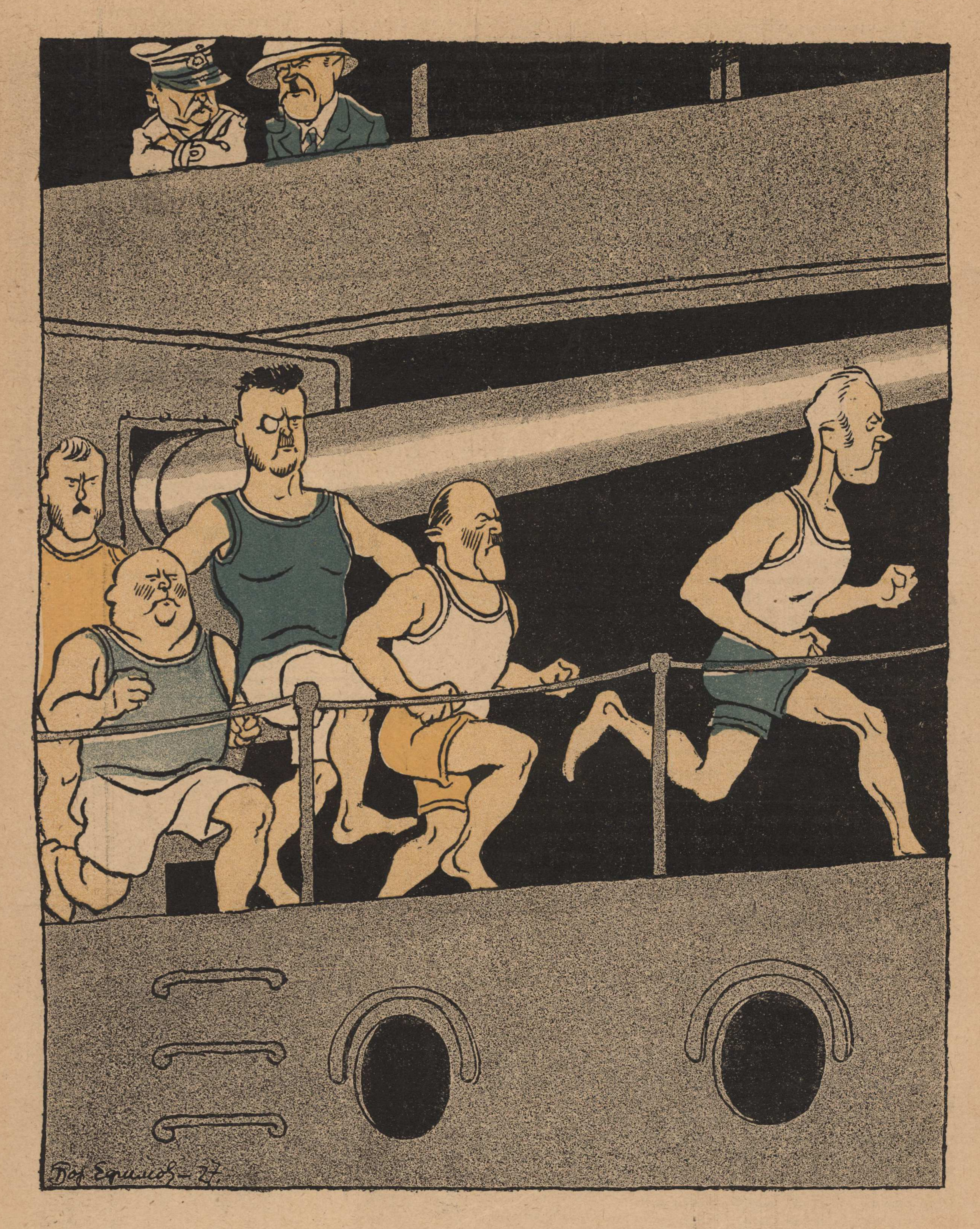
Рис. Б. Антоновского *Из газет*

— Жалко тебе покойницу-то?
— Привык уж: она в этом месяце десятый раз помирает!

ГОРЬКИЙ ОПЫТ.

Рис. Б. Ефимова.

— А что же вы, адмирал, не упражняетесь в беге?

— Я уже тренирован, сэр,— ведь, я участвовал в интервенции против С.С.С.Р.

БАТТИСТИНИ И БОГ

Известный итальянский певец Баттистини постригся в монахи.

Рис. Ю. Ганфа

БОЖЕНЬКА: — Вот чорт поганый! Потерял голос, а теперь тянет канитель на глас восьмой!.. Противно слушать!

ФРАНЦУЗСКИЙ ПАТЕНТ.

В Париже раскрыта нелегальная организация, занимающаяся изготовлением и распространением фальшивых документов, якобы исходящих от видных политических деятелей СССР и некоторых советских посольств за границей.

— Ей-богу, мосье, дешевле никак не могу-с! Себе дороже! Цена настоящая!

— Нет, это безбожно дорого!

— Как вам будет угодно-с! Посол Тара-Бумбия на 5 тысяч дороже даст... А вам что прикажете?

— Мне бы про Коминтерн... в чемберленовском масштабе...

— Сию минутку-с! Присядьте.

— С печатью будет?

— Господи! На том стоим! Фирма-с! Не то, что Хикс.

— Только подписи там... Чтобы без Зиновьева...

— Не извольте беспокоиться-с! Зиновьев—это старо. Теперь не в моде. Предложу вам Бухарина: свежее факсимиле-с,— только что из Москвы... 15 тысяч франков.

— Номерок-то не спутайте.

— Как можно-с? От сего числа текущий номер сей минут по радио закажем. Платите в кассу... Извольте-с... Всего! Заходите... На-днях Калинина получим. На счет царских долгов... Мосье, не толкайтесь, соблюдайте очередь!

— Пожалуйста, Литвинова... На счет свержения империализма...

— С нашим удовольствием-с! Нет ничего легче. Платите в кассу... Не сумлевайтесь... Патент заявлен... Самые настоящие... Прямо из Аркоса... Аревуар! А вам что?

— Рыкова можете? По китайскому вопросу?

— Извиняюсь, зайдите через недельку. Затребуем! Меньше ста тысяч не обойтись.

— Ого! Здорово!

— Помилуйте, какие разговоры! Дело коммерческое! Экспедиция чего-нибудь стоит? Тезисы новые нужно? а налоги? а патент? а амортизация? Опять же новые шрифты, чтобы без ятей и твердых знаков (нынче на этот счет строго-с!) Калькуляция правильная! Не извольте обижаться: у нас без запроса. Задаточек позвольте! Будьте здоровы!.. Вам, мосье?..

— „Вече“ можете? А? А „Колокол“? Или „Новое Время“? Состррррапайте! Душа изболелась по русскому! Заставьте вечно бога молить!..

— Извините-с, не держим!.. Портье, выведите пьяного! Шляются тут! Восемь лет на советской работе стоим, а им старье подавай... Тоже — заказчики!..

А. Стоврацкий

ЖЕНА.

Говорю, отстань...

— Не отстану—в пивную пойдешь...

— А тебе какое дело... Отстань...

— Опять всю получку пропьешь... Пропоица несчастный...

— Замолчи, сстерр...

— Ай... Бьют!.. Кар-а-ул-л-л...

— Не ори, дура.

— Какое право вы имеете бить женщину...

— В милицию его.

— Милиционер!.. Милиционер!..

— Прошу раз-зойтись. Не скопляйтесь. В чем дело?

— Да вот этот негодяй женщину бьет...

— Да какая же это женщина, тов. милиционер,— это жена его.

— Не имеет права, это раньше можно было бить... теперь не имеет права...

— Заарестовать его... Хватит, поиздевались эти звери над нашей сестрой.

— Прошу не шуметь!.. Гражданка, это ваш муж?

— Да.

— Он вас бил?

— Не знаю...

— Да как же не бил, я сама видела, раза три тяпнул. Арестуйте его, товарищ милиционер. Непременно арестуйте, пусть узнает, подлец...

— Ишь ты — арестуйте! Своего сначала заведи, а потом „арестуйте“...

— Да вы, гражданка, я вас спрашиваю — он вас бил?

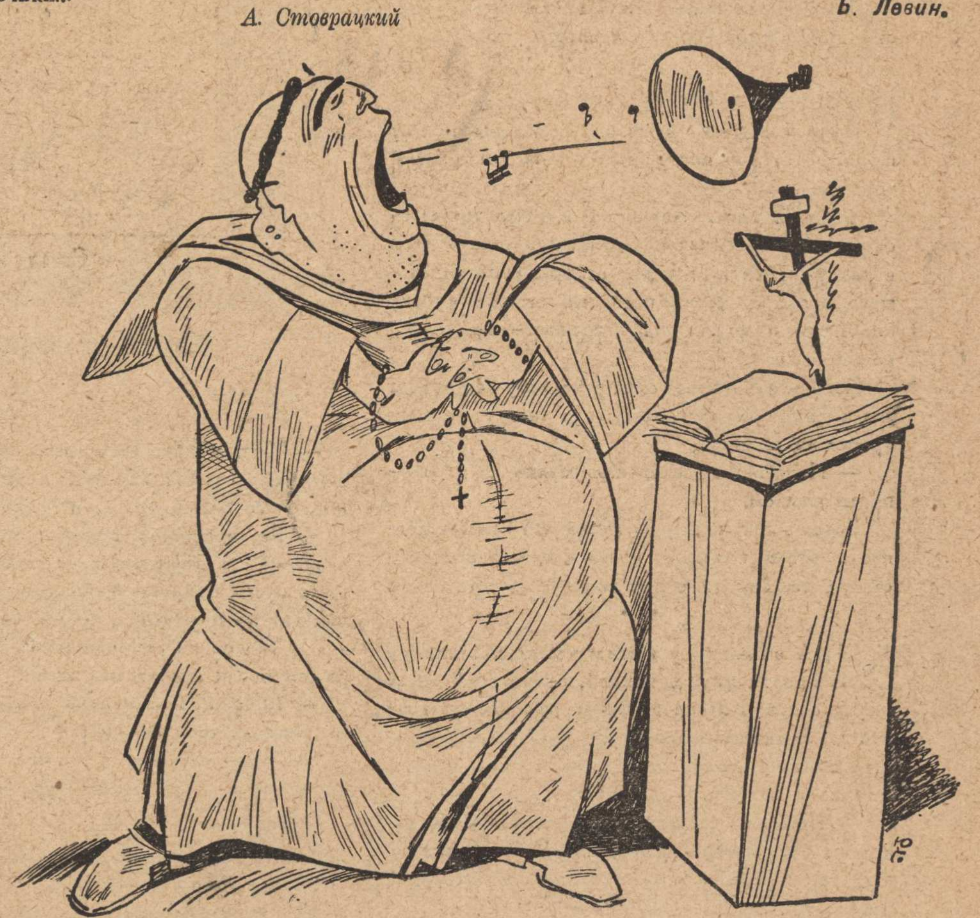
— Ну, хоть и бил. Это наше семейное дело, других не касаемо. Пойдем, Михайло...

— Расходись... расходись... нечего тут скопляться...

Толпа расходится. Только борода в кожаной куртке продолжает стоять, закуривает и, сладко зевая, пророчествует вслед уходящим супругам:

— Эх, и вольет же он ей дома... Только держись!..

Б. Левин.

МОДНИК
(Рассказ)

В ДЕНЬ отцовой получки пятнадцатилетний Колька с самого обеда и до полуночи канючил:

— Небось, у всех на лето куртки есть: и у нижнего Васьки, и у Юкиных ребят, и у Сеньки. Небось, я один на лето-то в шубе буду... Небось, у Петьки Сосунова отец — безработный, так и то, небось, с теткиного пальто куртку пошили. А я, небось, не виноват, что у меня тетки не толстые — не перешивается... Небось, у всех на лето-то есть...

Так как требование было справедливое, и так как к двенадцати часам терпеть унылое урчание стало невозможно,— отец сдался.

— Не скули! —сказал он,— завтра пойдешь с матерью, купит тебе куртку.

— И кепку?! — радостно задохнулся Колька.

— Ну, и кепку.

Колька взвился на воздух и, роняя по пути встречную утварь, понесся к нижнему Ваське сообщать о предстоящих покупках.

* * *

ПОКА мать с подозрительным лицом тянула, щупала, щипала куртки из наваленной на прилавке груды, Колька испытывал смешанное чувство. Во-первых, была радость по поводу того, что куртку, наконец, покупают; затем томила опасность — а вдруг матери не понравится, и она уйдет из этого магазина, как уходила уже из четырех других; потом присоединялся стыд за материно недоверие к добротности чудных пушистых курток и любезному приказчику.

С кепками было легче, но тоже не правилось, что мать пыталась просунуть палец между Колькиной головой и примериваемой кепкою, что она требовала самых больших размеров, совершенно необосновано рассчитывая на какой-то „вырост". Уж не Колькин ли? Смешно.

Зато, когда круглая картонка покачивалась на одной руке, а другую оттягивал внушительный сверток магазина готового платья, сердце Коли растопилось в неизбывном блаженстве, и дорога домой казалась восхождением в лазоревое царство.

Оставшуюся часть дня Колька прожил вокруг ценных приобретений своего гардероба.

* * *

В ВОСКРЕСЕНЬЕ утром, на свободе Колька в сто тридцать пятый раз примерил куртку и кепку. Теперь настроение у него было самое деловое.

— Так... Так... Хорошо... Куртку придется пообмять,— соображал он, пытаясь узнать себя в раздувшемся и ломаном отображении лопнувшего зеркала, перед которым стоял,— куртку пообмять, а фуражку... Фуражку — прямо под водопровод.

Колька заботливо снял пушинку с рукава драгоценной куртки, вздохнул и... с размаху бросил ее на пол.

— Ничего не поделаешь: жалко, а мода! — прошептал он.

Затем вынес кепку на кухню, до неестественности оттянул тулью назад и козырьком подставил под бодрую струю водопроводного крана.

* * *

КОГДА в Колькину комнату явилась шипящая от ярости мать с кепкой, от которой текли целые озера, Колька веником заметал пыль на что-то, лежащее на полу. Он поднял запыленный предмет, положил на стул и, сев поверх, принялся уминать и прыгать.

— Прохвост ты, мерзавец!—вопила мать, потрясая брызгающейся кепкой.—Негодяй-подлец! Для того я тебе кепку покупала?! Для того отец деньги тратил??!!

Хладнокровный Колька продолжал прыгать на стуле. Сказал:

— Не понимаю, чего здесь орать? Нельзя на свою кепку фасон навести. Если теперь такая мода — всю назад, что ж, я — виноват?

— Вот отец тебе покажет моду, болван-дурак!..— Мать посмотрела на свешивающийся со стула кусок бобрика и насторожилась. — Да на чем это ты прыгаешь? Только-что по полу валял, а теперь на это садишься... Батюшки-светы, да это новая куртка под ним!!!

— Ясно. Раз на куртки такая мода, чтобы небрежные, то и валяю.

Но мать, не надеясь больше на свои силы, побежала за помощью к отцу.

* * *

ПОСЛЕ шестичасовой нотации и попреков, под вечер Колька вышел на улицу, одев тщательно изуродованные обновки. Там уже собрались и нижний Васька, и Юкины ребята, и Сенька, и Петька Сосунов.

Колька изящной походкой вразвалку, медленно, с сознанием собственного достоинства подошел к ним и, молча, протянул руку для пожатия.

— Здрысь, Колька,—сказал старший Юкин,— а ничего у тебя обновки, по моде. Неужели кепку такую и купил: всю назад?

— Чорта с два,— солидно отвечал Колька,— рази они в магазинах понимают про моду? Там на три часа под крант поставил. И куртку тоже по полу возил-возил, аж мать заругалась...

— Матери — они про моду тоже не понимают,— вздохнул Сосунов.

Ребята явно завистливо смотрели на приятеля, одетого модно и с таким вкусом. Колька, чувствуя себя недосягаемо-элегантным, сдвинул кепку на затылок и хлопнул по бедру.

Куртка запылила, как проселочная дорога.

В. АРДОВ.

РАДИО-СУД В БУДУЩЕМ ИЛИ ЭКОНОМИЯ ВРЕМЕНИ

Рис. Б. Антоновского.

Заседатель

Председатель суда

Заседатель

Прокурор

Общий вид зала суда во время процесса

Защитник

Свидетельница

Подсудимый

Курьер

Как легко поймет читатель из этих рисунков, радио-суд в будущем даст возможность всем гражданам, имеющим отношение к судопроизводству, исполнять свой гражданский долг, не отрываясь от своих обычных занятий.

ПОЧТИ ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

1. Тактика

СОБРАНИЕ церковного совета местечка Усвяты, Псковской губернии. Члены совета с большим вниманием слушают доклад о состоянии финансовой отчетности церковного старосты.

— Товарищи,—говорит докладчик,—по вине церкстара Кутлешова пошатнулось финансовое положение нашей церкви. Факты? Извольте! Приезжал к нам архиерей. Помните? Церкстар собирал яйца, полотно, отрезы и другие вещи. А где оправдательные документы на них? Оправдательные документы имеются всего лишь на несколько яиц, и то без гербового сбора... Неблагополучно и с документами на выдачу зарплаты певчим. Не буду уже говорить об организационных неувязках в Никольском братстве. Вы хорошо знаете об этом.

— Товарищи! Я призываю вас сплотиться и выступить единым фронтом на борьбу с растратчиками...

Докладчик кончил. Шумные аплодисменты. Церкстар на выборах провален.

Докладчик торжествует: его тактика борьбы с церкстаром Кутлешовым увенчалась успехом.

Все? Нет!

Одна только маленькая деталь: докладчиком выступил... начволмилиции Шумилов.

2. Оперативное искусство

В ГРУППКОМЕ № 1 совторгслужащих города Орла идет деятельная подготовка к вечеру служащих в клубе „7 ноября".

„Оперативники" ломают головы над вопросом, как завлечь служащих на вечер. Секрет, наконец, найден.

За несколько дней до вечера на стенах клуба появляется следующее об'явление:

„Бюро знакомств"

Оказывает скорую помощь застенчивым и робким молодым людям (от 16 до 50 лет) обоего пола в завязке и укреплении знакомств с благополучным доведением дела до регистрации в ЗАГС'е.

Плата: 15 коп. новое знакомство.

10 коп. за восстановление старого, но волею судеб прерванного знакомства.

5 коп. за укрепление знакомства между двумя малознакомыми товарищами (двух полов, конечно).

P. S. Имеются опытные агенты, которые зубы с'ели на этом "добром деле".

3. Фортификация

В ЕДИНСТВЕННОМ клубе города Весьегонска организовался, наконец, кружок весьегонской интеллигенции: врач, судившийся за то, что во время операции забыл в животе больного хирургический инструмент, да жена его, завпожарной частью, да жена его, да еще административно-высланный коммерсант, да 5—6 учителей школы II ступени, да еще несколько учеников...

Кружок весьегонской интеллигенции в первую очередь занялся разрешением следующих вопросов:

— Интеллигент Плеханов или нет, и можно ли считать интеллигентами Ивана Грозного и Петра Великого?

Насчет Плеханова вопрос не удалось разрешить. Но насчет Ивана Грозного и Петра Великого вопрос разрешен:

— Иван Грозный — интеллигент, потому что где-то под Москвой зарыта его библиотека. Про Петра же Великого сам Пушкин писал, что он прорубил окно в Европу...

Покончив с этими вопросами, кружок занялся следующим вопросом:

— Ошибки прошлого, настоящее и светлое будущее русской интеллигенции.

Был заслушан специальный доклад по этому вопросу, потом происходили прения, потом... потом кружок весьегонской интеллигенции тихо скончался...

— При чем же тут фортификация? — спросите вы.

— Фортификация, видите ли, наука об искусственных закрытиях и преградах...

* * *

Если хотите — можете делать выводы. Усилий мозга для этого вовсе не требуется. Нужно только обоняние, чтобы почувствовать этот запах плесени...

Гр. Львович.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ РАДОСТЬ

Рис. А. Радакова

— Ну, Иван Кузьмич, наконец-то, нам в киператив товар везут!..

— Подожди, не радуйся,— наверное, опять — циркуляры.

ТОВАРИЩИ АППАРАТЧИКИ

„В с. Мартонаша, на Зиновьевщине, председсельсовета Иванов продал населению с торгов пять самогонных аппаратов.

Селькор Броневик

I.

ВЕЧЕРОМ, когда в селе доили коров, председсельсовета, Трофим Васильевич, устроил совещание с секретарем.

— Так что „бинджет",— говорил председатель,— в нас определенно неохватывающий. Неохватывающий, одним словом „бинджет"— что тут долго толковать. Правильно говорю?

— Правильно,— поддержал секретарь.— Вот именно, правильно на все двести процентов, и конец.

Председатель надвинул на лоб морщины шпалами и продолжал:

— Киператив слабо орудовает, очень слабо, так что никакой точки искренности я в нем не вижу. Народ жалуется,— и справедливо, потому в других, скажем, можно и адикалону спросить, и „шидекрен", и всякую интелигентную посуду, например, дорогую заграничную — венскую... Ну, а у нас — что? У нас — подсолнечное масло, киросин, ну — там перец, бязь. А разве это дело—народ подсолнечным маслом кормить?

— Правильно — не дело,— подхватил секретарь.

— А все почему? Да потому что бедны мы, денег, то-есть, нету, вот именно —„бинджет" слабый и неохватывающий. И надо меры какие-нибудь принять,— без мер никуда не годится. Правильно говорю?

— Правильно.

До белых окон думали председатель и секретарь над проклятым „бинджетным" вопросом, и, когда пропели третьи петухи, придумали.

II.

УТРОМ у сельсовета народ гудел. Вел собрание Трофим Васильевич. В президиуме важно восседали бабка Евдоха, подозрительная на самогон, и Чалый Антон, недавно пришедший из допра. Над столом президиума, протянутая на веревке от акации к акации, болталась бумажная лента, на которой анилиновым карандашом крупными буквами было выведено:

> Продаются с торгов аппараты для самогонки. Количеством итого ПИЯТЬ штук. Самой лучшей инструкции и удобства устройства. Последнее слово в области достижений. Недорого.

Трофим Васильевич крякнул и начал речь:

— Товарищи аппаратчики! Чтобы не начать сдалека — я о международном положении, как всегда, ничего сегодня говорить не буду, хотя и жаль,— можно было бы много кое-чего интересного рассказать. Но, дорогие товарищи, о внутренности нашего состояния я хочу коснуться, как руководящий товарищ и так далей, и тому подобный.

— Просим! Просим!— заорали глотки под акациями.— Без волокиты. Прямо с торгов и начинать...

Председатель позвонил в звонок и продолжал:

— Вот, товарищи, у нас кричат за народную копейку, которая даром пропадает, за волокиту, за бесхозяйство и так далей, и тому подобный. В газетах — прямо громят нашего брата и по головке не гладят. Газеты прямо указывают, не стесняясь —„головотяпство", „бюрократизм", „неналаженность", извините за выражение, работнички. Газеты, товарищи, прямо надрываются: — нет, мол, у нас хорошего аппарата,— поворачивайтесь, мол, лицом к аппарату...

— Правильно,— снова раздались голоса под акациями.— Просим повернуться лицом к аппаратам. Чего ж там долго тянуть.

— Так я и говорю,— оборвал Трофим Васильевич,— я же и говорю, что повернуться надо. А между тем — повернувшись лицом к аппарату— вижу, что у нас, в сельсовете, с каких это еще времен не один аппарат, а целых пять штук без дела валяется. Валются, одним словом, аппараты самой лучшей инструкции и удобства устройства — и ничего. Нет того, чтоб об этом вспомнили, чтоб кто инициативу проявил, в смысле оборота совершенно мертвого капитала и недачи ржаветь дорогим машинам, которые являют из себя последнее слово в области достижений.

— А это что?— с силой сказал Трофим Васильевич,— что это — говорю я — за факт, как не бесхозяйство, бюрократизм и полное невнимание к аппаратам?

— Правильно. Безобразие. Не допустить,— донеслось из-за близких деревьев.

Председатель в это время как-будто понял, что дело не совсем ладное. Понял это он потому, что глазки у бабки Евдохи что-то очень уж забегали. Он попробовал нащупать под собой твердую почву, но было уже поздно:

— А также мы — не Америка, чтоб аппараты валялись, ржавели и портились. И надо, товарищи, принимать меры, потому что без мер никуда не годится. Правильно говорю?

— Да правильно ж. Правильно, чорт собачий!— не выдержал Степан Кочерга. Но годі — довольно! Годі! Начинайте торги, дорогой руководящий товарищ!

— Верно! Открывайте торги! Все понятно! Возражений нет!

— А может кто воздержался? — слабо перебил Трофим Васильев.

— Нету таких. Дураков пока нету.

Предложение было принято единогласно. Торги прошли при редкой активности. Через час все аппараты были запроданы, и вынесены с сельсоветского чердака при дружных апплодисментах благодарной аудитории.

Ал. Светлов.

ОТПУСКНЫЕ МЫСЛИ

◆ Летом доктора щедры: прописывают не капли, а целое море.

◆ Так называемые „здоровые" обеды в курортных столовках — в виде ложки супа и кусочка мяса с наперсток—явно страдают „манией величия".

◆ Истратив половину отпуска на поездку к месту отпуска, торопись отдохнуть!

Н. К—й.

ГОСПЕРЕВОРОТ В АЛБАНИИ

Газета „Дейли-Ньюс" сообщает, что албанский президент Ахмет-Загу намерен с согласия Италии совершить государственный переворот.

Из газет.

Рис. Ю. Ганфа.

Эй, вы! Я собираюсь с разрешения Муссолини произвести внезапный государственный переворот. Об'явите всем в городе, что внезапный переворот будет произведен ровно через три недели, в 12 часов дня. Форма одежды — обыкновенная...

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

В деткомиссии Узбекистана обнаружена сплошная бесхозяйственность. За счет беспризорных кормятся свыше 200 штатных служащих, которые с'едают свыше 40 процентов валового расхода.

Из газет

Рис. А. Радакова

— Дяденька, а дяденька! Дай копеечку!

— Проходи, проходи...

— У, шпана! Ты его и кормишь и поишь, а он тебе же копейку жалеет!

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

1.

НЕКИЙ наивный англичанин, узнав об измене Чан-Кай-ши и его генералов, радостно воскликнул:

— Недаром Чан-Кай-Ши верит в английскую мощь. Иначе не изменили бы!

— Ох, конечно, недаром верит он в английскую мощь, — тихо прошептал дипломат. А про себя добавил: „Ох, недаром. Не одну тысячу фунтов попросил, чорт!"

2.

ОДНОМУ адмиралу великой морской державы за разные зверства на востоке был присужден орден подвязки. На вопрос прохожего: — за что вы, адмирал, получили орден подвязки? — адмирал ответил:

— Эх, вы! Мало что ли я подвязал к перекладинам виселицы китайцев?

3.

КАК известно, английский гимн именуется „Руль Британия". Иностранец, не зная, переводного значения слова „Руль", воскликнул:

— Много ли этот руль помогает, ежели с исчезновением российского рынка весь корабль на мели.

4.

ОДИН услужливый английский репортер написал в консервативной газете, что речь Чемберлена вызвала взрыв рукоплесканий. Однако, министр остался недоволен и заявил на-завтра репортеру:

— Милый! У вас плохой стиль. Неужели вы не понимаете, что я привык своими речами вызывать взрывы в других местах, а отнюдь не в кабинете министров.

5.

ПРОЧИТАВ на английском языке роман Зола „Деньги"... некий английский коммерсант воскликнул:

— Прекрасный перевод „Денег" с французского!

Но другой коммерсант заметил с грустью:

— А я предпочел бы все-таки перевод денег с русского!

М. КОВАРСКИЙ

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ.

ПОД редакцией В. Сережникова вышел сборник „Сатира и юмор", на 27 странице которого помещено стихотворение Лермонтова „На смерть Пушкина".

Соглашаясь с автором предисловия, что в этом стихотворении, особенно в последней его части, Лермонтов „поднялся на высоту могучей, огненной сатиры", мы все же находим, что стихотворению „На смерть Пушкина" не место в юмористическом альманахе, сплошь заполненном веселыми стишками, рассказами и фельетонами.

Чтобы оправдать помещение этого стихотворения в юмористическом сборнике, придется, чего доброго, В. Сережникову „подать" гневные стихи Лермонтова в таком виде:

Погиб поэт, невольник чести!
От смеха лопну я на месте!

*

В последней книжке журнала „На литературном посту" есть отдел „Юмор", а в этом отделе — стихи, под Некрасова, „Кому из писателей жить хорошо".

Вот какие слова вкладывает автор стихов в уста писателю Пантелеймону Романову:

Держу я пост ответственный,
Как главный полотер.
Пускай иные мучатся
Над разными проблемами, —
Я гну свою особую
Чувствительную линию
И натираю пол.

Стихи подписаны „Арго".

Арго, по-французски — жаргон. В данном случае это — кафешантанный жаргон „доброго старого" времени.

Надо думать, что типично-кафешантанный арго (жаргон) попал на страницы серьезного журнала лишь по недоразумению.

*

ЛЕОНИД Леонов в романе „Вор" („Красная Новь", книга 3—1927 года) пишет на стр. 64-й:

Неоднократно стриженые еще царской каторжной бритвой, они (т.-е. волосы) сохранили и посейчас свою густоту.

Стрижены бритвой! Признаться о бритве, которая стрижет, нам приходится слышать впервые.

Читатель Леонида Леонова уверенно говорит: — Брито!

А Леонид Леонов настаивает: — Стрижено!

*

ИЗ книги стихов Варвары Бутягиной „Паруса" (издание всероссийского союза поэтов):

Не загрущу в моей потере.
Противоборствуя судьбе,
Я оторву от лодки берег,
От сердца — память о тебе.

Оторвать берег от лодки — пустое занятие, гораздо полезнее — оторвать Бутягину от писания стихов.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Курильщики и анекдоты для некурящих

ДО сих пор курильщиков отравлял никотин...

Днепропетровские отравители изобрели новый яд — анекдотин и с этой целью выпустили книжечку с листиками чистой папиросной бумаги, употребляемой обычно для папирос-самокруток, с приложением собрания новейших анекдотов.

Вот, например, анекдот, чрезвычайно ядовито высмеивающий нэпманов:

„В аптеку заходит молодая нэпманша и спрашивает провизора:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть средство от блох?

— Есть. На сколько вам дать?

— Пожалуй...— раздумывает минутку нэпманша, — дайте мне на сто штук!

Еще:

— Какая лошадь видит одинаково спереди и сзади?

Ответ:—Слепая

Уместно ли вам, граждане днепропетровские издатели, смеяться над той самой лошадью, которая дала разрешение „друкарне Поліграфу Дніпропетровск“ на это анекдотическое издание?

Вусор или мусор?

В СВОЕ время пользовалось заслуженной популярностью вдохновенное двустишье одного из модных поэтов — „Разговор с собакой:

— Собачка, собачка, куда ты бежишь?

— Куда я бегу,— никому не скажу!..

Все!

Не хуже пишут — только в презренной прозе! — в журнале Вусор (органе всеукраинских охотников и рыболовов) № 4:

„Насколько необходима собака для данного хозяйства в качестве сторожа для присмотра за скотом или для другой цели?“

Зову к себе Жучку. Собака — как собака. Обыкновенная дворняга.

Смотрю Жучке в глаза и спрашиваю: „Что суть собак“, и для какой такой „другой цели“ ты служишь?“

Молчит Жучка, обиженно поджав хвост.

Еще бы не обидеться бедной Жучке, когда ее держат на цепи, а сукин хозяин почему то гуляет на свободе да еще пишет в журнале...

Об языке, еще не пораженном типуном

НАД советским читателем разразилась необычайная катастрофа...

Шебуев полетел из Москвы в Баку на аэроплане и вот...

И вот уже в течение нескольких недель печатает в южных газетах свои впечатления о полете.

При посадке выдается меню увечий:

Заманчивое, чорт возьми, меню, — пишет т. Шебуев.— при полной потере правой руки или кисти правой руки счастливчик получает (левой рукой) 70 проц., т.-е. 3.500 руб.; при потере левой руки счастливец (прав. рукой) получает 50 проц., т.-е. 2 500 руб.; при потере одной ноги выше коленки — 60 проц., т.-е. 3.000 р., при потере ноги ниже колена или одной стопы 50 проц., т.-е. 2.500 руб.

Я доказывал, что нам, летчикам, вовсе не нужна нога ниже колена (другая нога пусть остается для красы и для трамвая), что дает 2 500 руб., не нужен и слух на оба уха (не будешь слушать изнурительного рева мотора)—2.500 руб.

Когда аэроплан спустился у какого-то аула, к летчикам подошел старик и произнес несколько раз:

— Типун! Типун! Типун!

— Типун! Типун!

Меня осенило:

— Телефон?

Глаза старика утвердительно сверкнули.

По прочтении фельетона Шебуева нас также „осенило“, что означали слова мудрого догадливого старика.

— Типун... т.-е. телефон вам на язык, т. Шебуев, — повторяем мы за стариком, при утвердительном сверкании глаз ваших читателей.

УТОПЛЕННИК

В некоторых библиотеках дают на прочет идеологически невыдержанные книги.

Из газет

Рис. Н. Радлова

Мать: — Тятя, тятя, наши дети
Притащили Дюма-отца!!!

Радио-бред

НИЧЕГО в волнах не видно, зато... слышно...

Вот что, например, слышно „на волне 1450 метров, если судить по тексту либретто „Кармен“, в передаче издания „Радио—передача“.

Данкайро (отец Кармен) поет в квинтете:

„Вам правду высказать хотим, надеюсь, тем не оскорбим, напротив, честь вам воздадим. Где нужна ловкость и сноровка, иль стянуть, иль обмануть, жди ты успеха, милый мой, женщину взявь вместе собой, лишь попробуй (?!) тотчас особый получит весь проект и эффект!“

Слова вальса „Фауста“ не менее вдохновенны и лишний раз подтверждают силу и красоту великого русского языка:

„Будто ветром пыль поднята, вьется пыль, массой, пыль массой густой, вслед летая за ногой, вслед летая за ногой...“

Если имеется возможность полететь за ногой, которою, очевидно, пишутся либретто „Радио-передачи“,— то почему бы эту ногу, превращающую эфир в пошлейшее месиво, не переломать?..

Кому нужна эта нога, висящая в радио-воздухе?

Издатель „ГУДОК“ Отв. редактор — И. Н. Пирогов

Главлит № 90.677. Тираж 110.000 экз.

Отпечатано в типо-хромо-литографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.

ПРИВЫЧКА—ВТОРАЯ НАТУРА

Рис. Б. Антоновского.

— Приехали мы с вами на дачу, а тут и поспать не на чем...
— Разве вы, Степан Иванович, не привезли из города кровати?
— Да я не о том... ни докладов здесь, ни заседаний, ни собраний...